

THE BONGARD-LEVIN INTERNATIONAL INSTITUTE
OF THE CLASSICAL WORLD

SCRIPTA ANTIQUA

Ancient History, Philology,
Arts and Material Culture

The Almanac

Volume Seven

Sobranie
Moscow 2018

МЕЖДУНАРОДНЫЙ ИНСТИТУТ АНТИЧНОГО МИРА
ИМЕНИ Г.М.БОНГАРД-ЛЕВИНА

SCRIPTA ANTIQUA

Вопросы древней истории, филологии,
искусства и материальной культуры

Альманах

Том седьмой

Собрание
Москва 2018

НАУЧНЫЙ СОВЕТ:

Г.Бауэрсок (США), *Ж.-Ш.Балти* (Бельгия),
М.Д.Бухарин (Россия), *П.Дюкре* (Швейцария),
П.-Ф.Кальери (Италия), *Н.Н.Казанский* (Россия),
М.Марот (Венгрия), *Ф.Миллар* (Великобритания), *Г.Парцингер* (Германия),
С.Розен (Швеция), *Н.Симс-Виллиамс* (Великобритания), *И.Х.Урилов* (Россия),
Ж.-Л.Феррари (Франция), *Л.Ханнестад* (Дания), *М.Хатзопулос* (Греция),
Ш.Шакед (Израиль), *В.Шильтц* (Франция)

ГЛАВНЫЙ РЕДАКТОР

М.Д.Бухарин

РЕДКОЛЛЕГИЯ:

А.Ю.Алексеев, *Н.П.Гринцер*, *Д.В.Журавлев*, *А.А.Завойкин*, *С.Г.Карпюк*,
Л.Л.Кофанов, *И.А.Ладынин*, *А.В.Муравьев*, *А.А.Немировский*, *А.В.Подосинов*,
И.Е.Суриков, *С.Ю.Сапрыкин*, *С.Р.Тохтасьев*

SCIENTIFIC COUNCIL:

G.W.Bowersock (USA), *J.-Ch. Balty* (Belgium),
M.D.Bukharin (Russia), *P.Ducrey* (Switzerland),
J.-L.Ferrary (France), *L.Hannestad* (Denemark), *M.Hatzopoulos* (Greece),
P.-F.Callieri (Italy), *N.N.Kazansky* (Russia),
M.Maróth (Hungary), *F.Millar* (Great Britain), *H.Parzinger* (Germany),
S.Rosen (Sweden), *N.Sims-Williams* (Great Britain), *V.Schiltz* (France),
S.Shaked (Israel), *I.Kh.Urilov* (Russia)

EDITOR-IN-CHIEF

M.D.Bukharin

EDITORIAL BOARD:

A.Yu.Alexeev, *N.P.Grintser*, *D.V.Zhuravlev*, *A.A.Zavoykin*, *S.G.Karpyuk*,
L.L.Kofanov, *I.A.Ladynin*, *A.V.Muravyev*, *A.A.Nemirovsky*, *A.V.Podosinov*,
S.Yu.Saprykin, *I.E.Surikov*, *S.R.Tokhtasyev*

АРХЕОЛОГИЯ

С.С.Иванов

Культура саков Притяньшаня: современное состояние
и важнейшие проблемы исследования 11

Б.А.Железняков

Культовое сооружение XIII в. на городище Каялык
и манихейское наследие средневековой Центральной Азии 24

ИСТОРИЯ ДРЕВНЕГО
И СРЕДНЕВЕКОВОГО ВОСТОКА

А.В.Сафронов

Можно ли использовать греческую эпическую традицию
для реконструкции истории Восточного Средиземноморья
в конце Позднебронзового века? 43

А.К.Нефедкин

«Множество стрел закроет солнце»: тактика персидской
пехоты в первой половине V в. до н.э. 62

Н.Кhorikyan

On the Location of the Herodotus' Utii and Mysi 76

В.В.Тишин

Некоторые вопросы датировки памятников древнетюркской
рунической письменности бассейна р. Енисей 81

ИСТОРИЯ СЕВЕРНОГО ПРИЧЕРНОМОРЬЯ

М.В.Скрябинская

Скульпторы и ювелиры в Ольвии (VI–IV вв. до н.э.) 157

ИСТОРИЯ ЭЛЛИНИСТИЧЕСКОГО МИРА

Э.В.Ртвеладзе

Дорога от Келифа на Амударье (Оксе) по долине
Кугитангдарьи через Керчак и по ущелью Така-шур
в согдийскую область Наутака 189

Ш.З.Нурмухамедова

Архитектура Бактрии античного периода – этапы становления
и развития (на примере гражданской архитектуры) 203

НУМИЗМАТИКА

М.М.Чореш

Биография Андрагора по нумизматическим данным 231

ИСТОРИЯ ДРЕВНЕГО РИМА

С.В.Телепень

Солдатский брак и отношение к нему императора Адриана . . . 249

ЯЗЫКОЗНАНИЕ

В.А.Чирикба

Вклад Н.С.Трубецкого в северокавказскую филологию. 259

ИЗ ИСТОРИИ НАУКИ

М.Д.Бухарин

Работа Первой Русской Туркестанской экспедиции 1909–1910 гг.
в записных книжках академика С.Ф.Ольденбурга 289

В.Г.Ананьев

Ф.И.Шмит по эпистолярным материалам
из архивного фонда С.Ф.Платонова 393

«СОВЕТСКАЯ ДРЕВНОСТЬ»

С.Г.Карпюк

Диалог ученых поверх «железного занавеса»:
Мозес Финли и Эмили Грейс 411

С.Б.Крих

Борьба за прошлое: В.И.Авдиев, Н.М.Никольский и В.В. Струве
о своей роли в ранней советской историографии. 420

И.А.Ладынин

«Своевременный феодализм»: образ древнего Египта
в работах Д.А.Ольдерогге 1920-х гг. 433

О.В.Метель

Секция докапиталистических формаций Института истории
Коммунистической академии 447

Список сокращений 463

CONTENTS

ARCHAEOLOGY

S.S.Ivanov

The Culture of Saka Tribes of Tien Shan Region: Present State
and General Problems of Research 11

B.A.Zheleznyakov

The Cult Building of the XIII cent. on Kayalyk Site
and the Manichaean Heritage of Central Asia 24

HISTORY OF ANCIENT AND MEDIAEVAL ORIENT

A.V.Safronov

Is it Possible to Use Greek Epic Tradition for Reconstruction
of the Eastern Mediterranean History at the End
of the Late Bronze Age? 43

A.K.Nefedkin

“A Lot of Arrows Close the Sun”: Tactics of the Persian Infantry
in the First Half of the 5th Century BC 62

H.Khorikyan

On the Location of the Herodotus’ Utii and Myci 76

V.V.Nishin

Some Problems of Dating of Old Turkic Writing Monuments
of Yenisei River Valley 81

HISTORY OF NORTHERN BLACK SEA REGION

M.V.Skrzhinskaya

Sculptors and Jewellers in Olbia (VI–IV B.C.) 157

HELLENISTIC HISTORY

Э.В.Ртвеладзе

The Road from Kelif on the Amudarya (Oxus) along the
Kugitangdarya Valley across Kerchak and along
the Taka-shur Ravine to the Sogdian Region of Nautaka 189

Б.А.Железняков

КУЛЬТОВОЕ СООРУЖЕНИЕ XIII в. НА ГОРОДИЩЕ КАЯЛЫК И МАНИХЕЙСКОЕ НАСЛЕДИЕ СРЕДНЕВЕКОВОЙ ЦЕНТРАЛЬНОЙ АЗИИ

В статье анализируются результаты археологических раскопок 2004–2005 гг. сооружения, относящегося к верхнему культурному горизонту (XIII в.) на городище средневекового столичного центра карлуков в Северо-Восточном Семиречье: его планировка, ориентировка, артефакты. Каялык/Кайлак к тому времени представлял собой поликонфессиональный центр на важнейшем отрезке пути между уделами Монгольской империи, о чем сообщают письменные источники. Данное сооружение относится именно к храмовой архитектуре. Наличие ярких артефактов и характерные признаки, в первую очередь, соотносят объект с манихейством.

Ключевые слова: средневековая археология Семиречья, религии развитого средневековья Центральной Азии, манихейство, городище Каялык.

Восточное манихейство: исторический фон

Обнаружение возможных следов манихейства на городище Каялык, вряд ли вызовет удивление у кого-то из исследователей средневековой духовной культуры Великого Шелкового пути, в особенности того отрезка, который граничил с Восточным Туркестаном. В 2004 г. при проведении археологических исследований на городище Каялык под руководством академика К.М.Байпакова были обнаружены руины объекта, сооружение которого относится к середине XIII в. Он был интерпретирован как манихейское сооружение (Рис. I–II).

Данные о манихейском центре в Самарканде в раннем средневековье, насчитывавшем 500 жителей, приводит Р.Фольц¹. О длительном и весьма успешном служении манихейской миссии в стране Аргу в VII–IX вв. писал С.Г.Кляшторный. Тараз был центром манихейской митрополии страны Аргу, но общины, по свидетельствам источников,

существовали и в других ближайших городках: Йаканкент, Орду, Чилибалык, Кашу². Находки, относимые к манихейству и происходящие с территории Жетысу, пока немногочисленны: надпись на венчике хума с согдийской надписью «спасак Ширфарн» (епископ Ширфарн), найденного в Чуйской долине и прочитанной В.А.Лившицем³ (эта надпись может иметь и христианское происхождение); дастархан из Тараза, найденный при раскопках Т.Н.Сениговой с изображением Девы-Луны⁴. Это – артефакты, ставшие хрестоматийными, есть еще несколько, которые пока не получили однозначное признание как манихейские. Речь идет, в том числе, и о руинах построек в Таразе, интерпретируемых Г.А.Терновой как манихейские со значительной долей вероятности⁵.

В постройке у мавзолея Карахана, которая, судя по всему, была трансформирована в мечеть, помимо металлических изделий с крестами при раскопках 2007 г. найден и резной штук. Орнамент на одном из фрагментов может быть интерпретирован как изображение схематичного равноконечного (?) креста.

К XIII в. манихейство и другие доисламские религии могли оставаться лишь в ограниченном пространстве Средней Азии, на периферии распространения ислама. Однако эта «периферия» значительно расширилась к середине XII в. Отправной точкой сложения значительной пестроты религиозной, языковой и иной значительной части Центральной Азии явился 1141 г., когда Махмуд Карахан обратился за помощью к Султану Санжару Сельджуку, правителю Мавераннахра, а карлуки, напротив, обратились к гурхану каракитаев Елюю Даши. Султан Санжар отказал гурхану в толерантном отношении к карлукам, что вызвало завоевание Мавераннахра каракитаями и гибель 30-тысячного войска сельджуков. Территория нового государства каракитаев включила Восточный Туркестан, где ислам являлся до этого государственной религией более столетия, а также Среднюю Азию, где уже возникла своя традиция. Новый правитель реализовывал на своих землях политику толерантности, инициированной после первых убийств мусульман и разорения их святынь.

В начале XIII в. Восточное Жетысу и Тянь-Шань захватывает Кучлук, проводивший гонения на мусульман, но его правление было кратким, непосредственно предшествовавшим завоеваниям Чингисхана. Первым монгольским правителем, ставшим мусульманином, как известно, стал Туглук Тимур, его последователи уже носили арабские

Железняков Борис Анатольевич – научный сотрудник Института археологии НАН МОН РК; boriszheleznyakov@mail.ru; Республика Казахстан, Алматы, ул. Шевченко 28, пр. Достык 44; 8 (727) 272-06-99.

¹ Folts 1999: 82.

Рис. I–VIII см. на цветной вклейке.

² Кляшторный 2006: 48–50.

³ Кляшторный 2006: 49.

⁴ Сенигова 1968: 52.

⁵ Терновая 2017: 280–285.

имена. Этому предшествовал процесс создания исламских школ по всему региону⁶ и, главное, геополитические изменения в рамках всего континента.

Именно с эпохи раннего средневековья фиксируется значительная подвижность проповеднических миссий различных мировых религий. Это происходило не только благодаря существованию торговых путей, таких как Великий Шелковый путь (далее – ВШП), который существовал со II в. до н.э. (а до него существовали и другие транс-континентальные пути), или желанию проповедников и иерархии. Очевидно, что существовала потребность ведущих империй и держав в «духовной пище» и своеобразная мода на «мировые» религии, по сути – отказ от религии «отцов». Каждый правитель желал быть покровителем одной или, чаще, нескольких, конкурентно уживавшихся мировых религий, дабы быть «гарантированно» спасенному исхода из разных традиций; считалось уместным устраивать теологические и иные споры и чудесные состязания. Очевидно, что религиозные деятели встраивались в государственную надстройку и несли ответственность за развитие своих обществ, иногда осуществляя самые разные функции: торговые, информационные, шпионские и т.д.

Можно со всем основанием предположить, что родоначальник новой религии Мани, живший в III в. н.э., разработав основные положения новой религии, поступал полностью исходя из традиций «поиска основ» и объединения «здоровых идей» из известных на то время религиозных учений в Междуречье: зороастризма, буддизма, гностицизма, элементов вавилонской традиции и христианства. Возможно, это была ревизия последнего на основе давно устоявшихся традиций, хотя в исследовательской литературе представлены и другие мнения относительно основ этого учения.

По мысли М.С.Орынбекова, в истории философии манихейство представлено одной из основных жизнеотрицающих систем. Многие постулировали падшее состояние мира и бренность существования, но лишь манихейству удалось создать стройную, как будто непротиворечивую концепцию материи (как источника зла) и жизни (как арены напрасных страданий)⁷. Он говорит о явной антихристианской направленности манихейства, проявляющуюся, в частности в учении о том, что Христос был лишь предтечей основателя нового учения⁸. В учении, которое проповедовал Мани, самым причудливым образом сочетались первобытные, порой весьма примитивные мифы и

⁶ Li Tang 2005: 57.

⁷ Орынбеков 2005: 165.

⁸ Орынбеков 2005: 171.

довольно сложная космологическая философия. Посетивший в 942 г. долины Среднего Енисея Абу Дулаф писал о религии местного населения: «Есть у них храм для богомоления... В молитвах употребляют особую, мерную речь... Молясь обращаются к югу. Поклоняются планетам Сатурну и Венере, а Марса считают дурным предзнаменованием». Здесь проявлялась та часть идеологического наследия, которую манихеи получили от астрологов-звездопоклонников, именуемых арабами сабейцами⁹.

О тюркском манихействе писал и Ю.А.Зуев, правда, все больше подчеркивая его светлые стороны и цивилизаторское значение. В его работах приводятся многие факты и оценки, в частности, речь идет о том, что родственные карлукам племена чигиль носили этноним по причине принятия манихейства¹⁰.

Выбранные здесь нами мнения ученых о значении и роли манихейства для народов, его принявших разнятся, диаметрально. Этот экскурс можно завершить тезисами А.Ш.Пьюэша, развитыми А.Л.Хосроевым: манихейство претендовало на статус универсальной религии, объединяющей всё то, что было и есть в других религиях; манихейство – миссионерская религия, которая в идеале стремилась стать единственной в мире¹¹.

Возникнув в Вавилонии, манихейство претендовало на значительный статус и начало активно распространяться в качестве мировой религии. Более известным является западный путь распространения этой религии через Египет, где манихейство закрепляется в IV в., а в V в. его влияние значительно перемещается на запад и север, из Сирии в Грецию и далее на север-запад. Несмотря на наличие оригинальных теологических и философских идей, например, дуализма, как показывает история распространения в Европе, наиболее активной фазой распространения манихейства был период IV–V вв., с VI в. начинается его быстрый упадок. Показательной является и судьба самого Мани, с которого содрали кожу зороастрийские маги в 276 г., а его чучело было вывешено на столичных городских воротах. Фактически это было первое яростное гонение на эту церковную организацию. Ими будет переполнена вся история манихейства.

Особенности Восточного манихейства

Мани имел 12 апостолов. Многие другие общие закономерности и детали учения и жизни церкви также свидетельствуют о «христиан-

⁹ Кызласов 1999: 185.

¹⁰ Зуев 2002: 256.

¹¹ Хосроев 2007: 28.

ской модели» основы учения. Например, новоначальный адепт, приняв манихейство, смывал все ранние грехи (манихейское крещение), однако крещение, как обряд посвящения в избранные, проводилось без воды. Среди важнейших таинств имело место также и причастие.

С другой стороны, Г.Виденгрэн считал, что церковная организация манихеев соответствует буддийской¹². Все члены церкви разделялись на «избранных» и «слушателей». Вопрос о таинствах манихейской церкви представляет собой сложную и, пока далеко нерешенную проблему, и он не относится к приоритетным в данной статье.

О манихействе Восточного Туркестана стали поступать конкретные сведения благодаря усилиям исследователей начала XX в. Для мировой науки были добыты многочисленные рукописей и иные артефакты, документированы руины строений, частично сохранены шедевры религиозного искусства. Уникальность этих артефактов не подвергает сомнению интерпретацию памятников и реконструкцию религиозной истории. Источники свидетельствуют о принятии уйгурами манихейства в качестве государственной религии в 762 г., когда манихеи смогли обратить в свою веру Мую Кагана, правителя так называемого Орхонского каганата уйгуров. Правда, после поражения уйгуров кыргызам в 840 г. отношение к манихеям в китайской империи резко изменилось. Оно оказалось под запретом, начались гонения, когда погибли десятки монахинь, были закрыты церкви. Новая религия закрепляется лишь на юге Поднебесной. Одна часть манихеев скрылась в провинции Ганьсу, а другая — отправилась в провинцию Фуцзянь. Последний манихейский храм сохранился до наших дней в юго-восточном Китае на горе Хуабию рядом с городом Гуаньжоу. До 1230–1250-х гг. и в Турфанском оазисе у уйгуров манихейство сохраняло особый, защищенный статус¹³. Возможно, именно после начала гонений возникла острая необходимость проповедовать в Жетысу, поскольку в стране Аргу манихейство, по-видимому, уже не существовало несколько веков.

В последние десятилетия появились многочисленные публикации о манихейских храмах, монастырях, надписях манихейского содержания, о развитии этого вероисповедания в Южной Сибири в VIII–XII вв. Распространение учения там, по мнению Л.Р.¹⁴ и И.Л.Кызласовых¹⁵ шло параллельно с развитием грамотности, вовлечением региона в «цивилизованный» мир.

Однако на Илийскую долину значительно большее влияние ока-

зывали оазисы Восточного Туркестана, особенно в рамках соседнего с илийским отрезком ВШП. От ослабевших язычества и манихейства эстафету доминирующей религии около 800 г. подхватывает буддизм, а около 960 г. наряду с исламом в регионе распространяется еще и несторианство, при этом манихейство пользуется широким признанием до 1230-х гг., несторианство — до 1330-х, а буддизм — до 1430-х годов¹⁶.

О погребальном обряде манихеев, зафиксированном на одном из памятников региона — Ак-Бешиме, писал Л.Р.Кызласов: «...подле кучки очищенных человеческих костей, обозначенных как погребение № 3, стоял кувшин. На боку кувшина сохранился равноконечный крест, вырезанный по предварительной разметке, вероятно, манихейским священником, освятившим при похоронах заупокойный напиток»¹⁷. Относительно же явного влияния манихейства на средневековых хакасов он заключал следующее: «Захоронения в ямах, характерные для доманихейской культуры чаатас VI — середины IX в., в манихейскую эру Южной Сибири сначала сменились мелкими углублениями в курганах тюхтятской культуры IX–X вв., а затем — погребениями на горизонте, со второй половины X в. и вплоть до XVII в. отличавшимися аскизскую культуру... именно манихейство следует связывать с отказом от закапывания в землю останков умерших»¹⁸.

Таким образом, в районе Тараза, в других регионах, где была распространена зороастрийская погребальная традиция манихеев, будет трудно выделить принадлежавшие именно им захоронения, если в них отсутствовала соответствующая символика. Далее, Л.Р.Кызласов делает выводы о различиях форм крестов у манихеев и христиан, найденных на Ак-Бешиме: равноконечный, с расширяющимися лопастями — манихейский, с длинной нижней лопастью, — несторианский, происходящий из захоронения у церкви по христианскому обычаю¹⁹. Крест с манихейского объекта в Хочо, действительно, напоминает аналогичные кресты из манихейских объектов Хочо, где было найдено изображение креста с равными лопастями, тремя перлами на каждом окончании²⁰. Очевидно, и на основании данных находок можно сделать вывод, что крест в христианстве — орудие казни, в манихействе — универсальный знак, в том числе языческий, в какой-то степени украшение.

О влиянии манихеев-проповедников на средневековых правителей Средней Азии, в первую очередь, благодаря своим знаниям по

¹² Виденгрэн 2001: 145.

¹³ Li Tang: 17.

¹⁴ Кызласов 1999.

¹⁵ Кызласов 2000.

¹⁶ Li Tang 2005: 73.

¹⁷ Кызласов 2006: 140.

¹⁸ Кызласов 2006: 140–141.

¹⁹ Кызласов 2006: 141.

²⁰ von Le Coq 1913: 8.

астрономии и астрологии, о чем говорят китайские источники, писал А.М.Беленицкий²¹. Несмотря на активное противодействие носителей других религий, манихеям долгое время удавалось составлять им конкуренцию.

В Центральной Азии тюркские манихейские памятники до недавнего времени были обнаружены только в бассейне Тарима, в Дуньхуане и на берегах Орхона (Карабалгасунская стела). В Семиречье манихейские тексты пока не найдены. Тем не менее, имеются иные письменные свидетельства, позволяющие отнести всю эту область, и во всяком случае, долины Чу и Таласа, к основному району сложения и расцвета тюркского манихейства. Центрами манихейской литературной деятельности и манихейской миссии были монастыри. Известны три тюркских письменных памятника, в которых упоминаются местности, где в VIII–X вв. существовали манихейские монастыри. Один из упомянутых памятников факсимильно опубликован Хуан Вэньби и частично интерпретирован П.Циме. В нем названы тюркские манихейские монастыри в трех крупнейших городских центрах Турфанского оазиса – Яр-хото, Хото и Сольми²².

Все вышеперечисленные обстоятельства говорят о возможности существования манихейской общины в одном из узловых пунктов на ВШП, соседнем с Восточным Туркестаном, где манихейство было распространено в течение нескольких столетий и испытывало гонения, именно в середине XIII в., когда и возникла постройка, о которой пойдет речь ниже.

Город Каялык – крупнейший городской и столичный центр Северо-Восточного Жетысу – значительно вырос в ходе выделения государства карлуков из державы Караханидов после 940 г., когда их центр в Баласагуне был захвачен тюрками (язычниками) из Кашгара, принявшими ислам уже здесь в городской среде. Каялык номинально входил в Караханидскую державу, сохраняя фактическую независимость, а его относительному благополучию способствовал рост торгового обмена на этом участке ВШП. Очевидно, этот факт предопределил дальнейший рост города в монгольское время; город становится крупным узловым пунктом на пути к центрам ВШП на Востоке из податных земель, и крайне заинтересованных в различных контактах на Западе. Каялык имел монетный двор, чеканивший монету²³. Кроме того, в округе Каялыка насчитывается более десятка относительно крупных и мелких, укрепленных городищ и поселений без укреплений, относящихся

в караханидскому и монгольскому времени: это была значительная по площади территория, занятая городками и поселениями, ведшими не только торговую и посредническую деятельность на ВШП, но и развивавшими различные виды хозяйства в горной и степной местности, а также долине реки Лепсы. От города отходило горное ответвление пути, а вдоль Лепсы проходил путь к озеру Балхаш и его восточной оконечности.

По мнению западных исследователей Марко Поло во время путешествия встречал манихеев, которых принимал за христиан. Манихеи, действительно, умело перенимали лучшее, в частности символику, других конфессий: несториан, буддистов и даосистов, в том числе и в зависимости от окружения. В одной из статей К.М.Байпакова и Г.А.Терновой предлагается версия о том, что на территории Жетысу Рубрук принял манихеев за несториан и о манихейском храме города Каялык²⁴: «В первой я нашел некоего человека, имевшего у себя на руке крестик из чернил; отсюда я поверил, что он христианин, ибо на все, что я спрашивал у него, он отвечал, как христианин. Поэтому я спросил у него: “Почему же вы не имеете здесь креста и изображения Иисуса Христа?” Он ответил: “У нас это не в обычае”». Отсюда я поверил, что они христиане, но пренебрегают этим по недостатку образования».²⁵ По словам Рубрука в Каялыке было три кумирни (несторианские) и, по мысли К.М.Байпакова и Г.А.Терновой, одна из кумирен с большой долей уверенности относилась к манихейскому культу.

Исследования «манихейского храма»

Обнаруженные в результате археологического вскрытия руины сырцовых конструкций, предположительно, манихейского храма на городище Антоновское (Каялык, Койлак), время возведения которого датируется серединой XIII в., находятся в южной части Каялыка. Они относятся к верхнему строительному горизонту объекта, уничтоженного в результате пожара. Размеры и параметры сырцовых кирпичей совпадают с кирпичами соборной мечети, также разделившую общую судьбу исследованных объектов в центре города. Объект исследовался в 2004 г. под руководством К.М.Байпакова и изначально условно интерпретировался как «парадный зал» или «дворцовое помещение», учитывая относительно крупное помещение с прямоугольной планировкой, без каких-либо (капитальных) перегородок внутри. О наиболее ценных артефактах, сохранившихся на полу, в том числе в завалах недогоревших бревен перекрытия, речь пойдет ниже.

²¹ Беленицкий 1954: 44–45.

²² Кляшторный 2006: 49.

²³ Петров 2007: 88–90.

²⁴ Байпаков, Терновая 2002: 35.

²⁵ Рубрук 1993.

В ходе полевых работ 2004 г. было полностью вскрыто помещение и оконтурены внешние стены сооружения. Перед входом в зал выделяется неширокая внешняя пристройка типа айвана, ограниченная выкладкой из крупных камней. Далее на восток – улица, проходившая с севера на восток.

Исследуемый объект находится ближе к южной городской стене в центральной части города, менее 100 м севернее трассы Алматы – Усть-Каменогорск, чуть восточнее пересекающую городскую стену. С запада место раскопа примыкает к бане-хаммам, относящейся к следующему (более низкому) стратиграфическому горизонту, известному из раскопок предыдущих лет Д.А.Воякина²⁶. Сооружение подпрямоугольной формы, размерами 20–25 м, занимало верхний культурный слой холма, сложенного из культурных напластований, возвышаясь на 2–2,5 м.

В ходе раскопок 2004 г. были обнаружены основания мощных сырцовых стен, с сохранившейся обмазкой-штукатуркой и белой побелкой с внутренней стороны. Дальнейшие раскопки показали, что сырцовые стены шириной 1,2 м, за исключением восточной фасадной стены шириной 1,6 м, сложены из кирпича, сходного по размерам с кирпичом Соборной мечети Каялыка ($36 \times 18 \times 9$ –10 см), и возвышались над поверхностью обмазанного глиной и обгорелого пола на высоту 30–80 см. В 2007 г. раскапывался соседний квадрат к югу от храма. Ниже верхнего, в значительной степени развеянного, слоя шел мощный зольник с мусорными прослойками толщиной 1,5–2 м, ниже которого в разных направлениях шли линии кубуров – керамические водопроводы²⁷. Так или иначе, все они, огибая манихейский храм, были направлены с родников у подножья гор в центральную часть города или к бане, сложенной из жженого кирпича в направлении общего понижения уровня поверхности. Среди находок были найдены артефакты, которые датируются концом XI – серединой/второй половиной XII в. и указывают на каракитайское влияние/присутствие на Каялыке в это время. Материал готовится к публикации.

Никаких противоречий между общей датировкой объекта и находок, в частности керамики, серединой – второй половиной XIII в. не обнаруживается. Некоторые строительные приемы – такие как штукатурка, ее цвет, согласовались с аналогичными же на раскопанной в том же году Соборной мечети Каялыка, датированной второй половиной XIII в. (видимо, и материалы, и глина для строительства брались из одного карьера).

²⁶ Байпаков, Воякин 2006: 71.

²⁷ Железняков 2007: 156–158.

Прямоугольное сооружение было ориентировано с северо-востока на юго-запад (вход с восточной стороны) с небольшим смещением от оси восток–запад. Размеры сооружения – 15×11 м, внутреннего помещения – $11,2 \times 8,4$ м. Мощные сырцовые стены были обмазаны и побелены с внутренней стороны. Помещение длинной стороной ориентировано по линии восток–запад (с небольшим смещением северо-запад – юго-восток). Проход шириной 0,9 м был устроен в середине восточной стены. При зачистке на полу по центру ширины стены найдены деревянный порог, достаточно массивный и сильно обгоревший, свидетельствовавший о масштабе пожара. Перед порогом были найдены мелкие фрагменты из железа (гвозди), очевидно, сохранившиеся части от полностью сгоревшей двери. Обстоятельства находок на обгоревших фрагментах могут свидетельствовать внезапном о ночном пожаре.

Перед входом в зал выделяется ряд выкладки камней средних размеров, по-видимому обозначавших неширокую (неглубокую) внешнюю пристройку типа айвана. Верхний уровень камней совпадает с зачищенным уровнем утоптанного пола того же времени. Далее на восток – понижение, хорошо заметное в топографии: городская улица, проходившая с севера на юг. Очевидно, что даже среди рядовых построек с востока это строение выделялось размерами, а также расположением на небольшом возвышении. Его основание у юго-восточного угла сохранилось в виде «краеугольного камня», немного выступающего от уровня кладки стены, своеобразного пилона, оформлявшего угол здания. С севера подобной конструкции не зафиксировано. Возможно, объяснением может служить общая неудовлетворительная сохранность верхнего культурного горизонта. Планировка помещения – прямоугольная без ниш. Северная стена выделялась небольшой ажурной решеточкой, по-видимому, с растительным орнаментом, не собранная, поскольку распалась на совсем мелкие фрагменты.

Вытянутая форма сооружения, очевидно, определялась тем, что перекрытия не опирались на капитальные конструкции типа стен. Обнаружены лишь круглые отверстия для бревен в полу, которые могли служить относительно легкими подпорками конструкции перекрытия. В ходе проведения зачисток перед храмом было обнаружено значительное количество золы, а также мелкие фрагменты корродированного железа (очевидно, остатки железных деталей от упавших и обгоревших дверей).

Из находок 2004 г. нужно отметить уникальный круглый 13-рожковый светильник, (43 см в диаметре и 19 см – высота полусферы, по центру которой закреплен вертикальный стержень). (Рис. III–IV). Светильник был обнаружен в неповрежденном состоянии на обма-

занном полу зала, в завале недогоревших бревен – остатков перекрытия кровли (?) (Рис. V). Он имеет четыре идентичных рельефных орнамента, расположенных по сторонам света на боковой поверхности полусферы – листовидные (заостренные кверху), выдающиеся от поверхности на 0,4–0,5 см), содержат растительный рельефный орнамент (с изображением раскидистого расцветшего декоративного куста), в середине просматривается некое крестовидное изображение, образованное переплетением лент – анхх/анх, по мнению некоторых исследователей (Рис. VI). В месте соединения каждого из 13 рожков с полусферическим основным объемом светильника вырезаны по 3 зубца, напоминающие корону. Находка заслуживает отдельного специального исследования.

Любопытен сохранившийся целым керамический кувшин темно-серого цвета поливы (из серой же керамики), найденный в верхних слоях заполнения западной части помещения. Высота – 22,5 см, диаметр тулова – 22 см, основания – 12,5 см (Рис. VII). Кувшин имеет изящно загнутую на уровне высоты прямого венчика и прикрепленную к середине прямой же (цилиндрической) горловины широкую (3,2 см) ручку с углублением-желобком посередине, ниже венчика, внизу крепится к верхней части расширяющегося тулова, общая длина ручки 12 см. Изготовлен на быстром круге.

Примечателен маленький поливной кувшинчик из соседнего раскопа к югу от зала-храма. Зачастую манихейские храмы строились комплексами помещений, вытянутыми в ряды, как это зафиксировано А. фон Ле Коком²⁸. Сосудик покрыт зеленой прозрачной поливой по белому ангобу. Венчик утрачен. Сохранившаяся высота – 6,7 см. Диаметр прямой горловины – 4 см, кувшинчик имеет следы крепившейся ручки ниже венчика и в широкой части тулова. Нижняя половина тулова правильный многоугольник – девятигранник.

Интересна находка каменного диска из минерала неместного происхождения с отверстием в середине, разделенного на 20 сегментов (Рис. VIII). Также были найдены и светильники-чираги, фрагменты керамики (котлы, кувшины и др., в том числе и глазурованные). Уникальна также и терракотовая резьба (геометрический и растительный орнамент), небольшие фрагменты которой в значительном количестве обнаружены вдоль западной стены помещения, происшедшей, по-видимому, от ажурной лепной решетки окна. Так же как и мечеть, данный парадный зал пострадал в результате серьезного, по-видимому, городского пожара. На полу были зачищены остатки кровельного перекрытия: несколько горелых бревен (до 30 см в диа-

²⁸ von Le Coq 1913: 7.

метре, до 2–2,5 м длиной) и плах, явные следы обожженных полов и стен. Раскопанное сооружение находится в верхнем культурном слое и относится к позднему периоду существования города (XIII в.), что также подтверждается и предварительным анализом керамики.

Из немногочисленных находок керамики следует отметить фрагмент селадона, с поливой радикально черного цвета с обеих сторон. Сосуд хорошего качества и имеет импортное китайское происхождение.

В 2005 г. продолжились исследования с северной (незатронутой раскопками 2004 г.) стороны. Очевидно, что город к середине XIII в. населяли уже преимущественно мусульмане²⁹, однако сохранившиеся руины построек и артефакты, а также средневековые свидетельства говорят о пестрой картине религиозной жизни этого города. При этом сказанное выше вполне позволяет нам говорить о манихейской принадлежности этого храма.

В ходе раскопок 2005 г. были выявлены свидетельства проводимых крупных ремонтов основных стен храма. Северная стена у северо-восточного угла в двух местах была подперта контрфорсами. На расстоянии 1 м и 3,5 м от внешнего угла здания из сырцового кирпича были выстроены традиционные в подобных случаях стенки-контрфорсы шириной до 0,7 м. Основания контрфорсов находились на уровне пола в северных служебных помещениях. Они опирались о суфу, возвышавшуюся на 18 см над полом. Восточный контрфорс имел длину 1,5–1,6 м и вначале был принят за перестенок в общем помещении. Уровень пола в служебном помещении был ниже уровня пола в храме, занимавшем центральное положение на вершине холма с культурными напластованиями на 45–50 см. Высота суфы 20–22 см. Южной стенкой служебного помещения и двора служила мощная обмазанная стена храма, уходившая значительно ниже пола здания. Возможно, под верхним полом существует пол нижнего горизонта помещения, служившего аналогичным образом.

Западный контрфорс имел большую длину и, перегораживая проход в служебное помещение, упирался в сырцовую стенку, отделявшую изначально помещение с суфой от частично или полностью перекрытого двора, где, в частности, был обнаружен небольшой тандыр, где также было найдено значительное количество обожженной кухонной керамики (котлы).

В помещении при зачистке поверхности обмазки суфы обнаружено отверстие с остатками древесины (древесной коры) – один из столбов-опор. В завалах сырца мощной стены сохранился второй столб, поддерживавший перекрытие кровли над двором с тандыром, так что

²⁹ Железняков 2015.

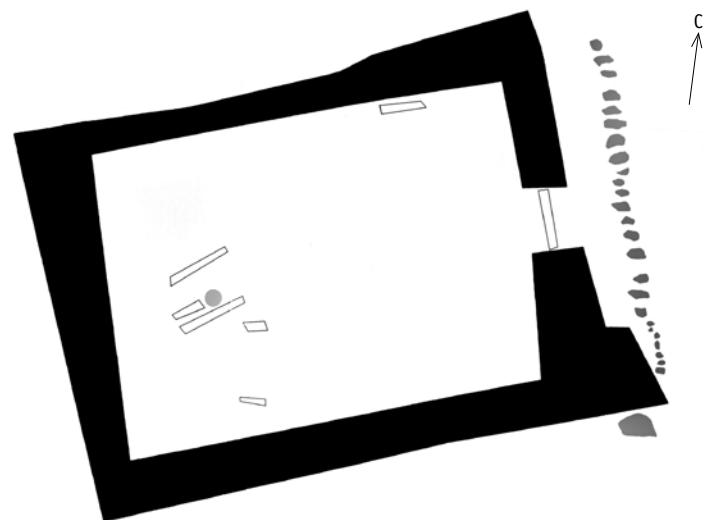

Рис. 1. Городище Каялык. Парадный зал

сравнительно с несторианством или другими мировыми религиями, распространявшимися в раннее средневековье, вопрос о параллельном распространении христианства в его несторианской форме на тех же территориях не снят. Так, одним из первых о возможной христианской принадлежности Суджинской надписи говорил С.Г.Кляшторный. Он считал, что термин «мар» означает «наставник в вере», «клирик». Также он обращает внимание на частичную замену древнего обряда сожжения трупов на захоронения, чего не могло (по его мнению) происходить при значительном распространении манихейства, так как манихеи не предавали покойников земле, а помещали в специальные постройки³⁴. С.Г.Скобелев приводит данные письменных источников о возможном широком распространении несторианства в Сибири вплоть до XIII–XIV вв.

Вместе с тем, изучение манихейского и другого культурного наследия Л.Р. и И.Л.Кызласовыми позволили накопить материал, уже позволяющий делать определенные обобщения. Так, например, на городище Ак-бешим манихейство было представлено памятниками, локализованных к западу от внешней стены Суяба (христианства – к востоку, буддистов – к югу)³⁵. В середине XIII в. в Каялыке буддийский храм располагался к северу от городской стены, мечеть была в

³⁴ Кляшторный 1959: 166–167.

³⁵ Кызласов 2006: 146–147.

центре, а манихейский храм в южной части, мечеть и манихейский храм – внутри стен. По-видимому, ко времени развитого средневековья та идеальная картина расположения храмов и кварталов, имеющих отношения к той или иной религии именно в жесткой привязке к сакральной ориентировке, уже не могла соблюдаться по понятным причинам.

Три культовых объекта, исследованных на Каялыке, – мечеть, буддийский и манихейский храмы интерпретируются с разной долей уверенности. Наличие в мечети всех ее конструктивных особенностей, в частности михраба, типичной стопной планировки, остатков минбара, его ориентировки, набора артефактов, не оставляет никаких сомнений. В буддийском храме артефактов не обнаружено. В том, что касается манихейского храма, материал из которого публикуется в настоящей статье, была установлена планировка и сакральная ориентировка (Рис. 9), найдены артефакты, которые, скорее, подтверждают манихейскую культовую принадлежность этого храма.

SUMMARY

The Cult Building of the XIII cent. on Kayalyk Site
and the Manichaean Heritage of Central Asia
by B.A.Zheleznyakov (Almaty)

The results of archeological excavations of 2004–2005 of a construction of the top of the cultural horizon (XIII century) of Kayalyk – the Medieval capital of Karluk tribes in the Northeast Semirechye – are analyzed: its planning, orientation, artifacts. Kayalyk represented polyconfessional center of the major piece of a way between the parts the Mongolian Empire. The construction in question belongs to the temple architecture. Existence of bright artifacts and characteristic signs correlate this object to Manichaeism.

БИБЛИОГРАФИЯ

- Байпаков, Воякин 2006 – Байпаков К.М., Воякин Д.А. Средневековый город Каялык. Алматы, 2006.
- Байпаков, Терновая 2002 – Байпаков К.М., Терновая Г.А. Сведения о манихейском храме Каялыка // Культурное наследие Южного Казахстана. Шымкент, 2002. С. 33–39.
- Беленицкий 1954 – Беленицкий А.М. Вопросы идеологии и культов Согда: (по материалам пняджикентских храмов) // Живопись древнего Пянджикента. М., 1954. С. 25–82.

- Виденгрэн 2001 – *Виденгрэн Г.* Мани и манихейство. СПб., 2001.
- Железняков 2007 – *Железняков Б.А.* О раскопках водопровода городища Каялык в 2006 г. // История и археология Семиречья. Алматы, 2007. Вып. 3. С. 152–158.
- Железняков 2015 – *Железняков Б.А.* Соборная мечеть Каялыка // Материалы международной научно-практической конференции «VII Оразбаевские чтения» по теме «Казахстанская археология и этнология: прошлое, настоящее и будущее»: к 550-летию образования Казахского ханства, 20-летию Ассамблеи народов Казахстана. 28–29 апреля 2015 г. Алматы, 2015. С. 339–344.
- Зуев 2002 – *Зуев Ю.А.* Ранние тюрки: очерки истории и идеологии. Алматы, 2002.
- Кляшторный 1959 – *Кляшторный С.Г.* Историко-культурное значение суджинской надписи // Проблемы востоковедения. 1959. № 5. С. 166–167.
- Кляшторный 2006 – *Кляшторный С.Г.* Манихейские обитатели в стране Аргу // Туған Өлке. 2006. № 1 (6). С. 48–50.
- Кызласов 2000 – *Кызласов И.Л.* Манихейские монастыри на Горном Алтае // Древности Востока. СПб., 2000. С. 111–129.
- Кызласов 1999 – *Кызласов Л.Р.* Манихейский храм в котловине Сорга // Российская археология. 1999. № 2. С. 182–206.
- Кызласов 2006 – *Кызласов Л.Р.* Символ креста у манихеев и сакральное пространство города Суяба на реке Чу // Вестник Московского университета. Сер. 8. История. 2006. № 2. С. 138–150.
- Орынбеков 2005 – *Орынбеков М.С.* Генезис религиозности в Казахстане. Алматы, 2005.
- Петров 2007 – *Петров П.Н.* Монетный двор Каялыка // *Байпаков К.М., Воякин Д.А.* Средневековый город Каялык. Алматы, 2007. С. 88–90.
- Ртвеладзе 1999 – *Ртвеладзе Э.В.* Великий Шелковый путь. Ташкент, 1999.
- Рубрук 1993 – *Рубрук Г.* Путешествие в Восточные страны // Путешествие в Восточные страны Плано Карпини и Гильома де Рубрука. Алматы, 1993.
- Сенигова 1968 – *Сенигова Т.Н.* Вопросы идеологии и культов Семиречья // Новое в археологии Казахстана. Алма-Ата, 1968. С. 52–63.
- Скобелев 2005 – *Скобелев С.Г.* Створка пантеона из погребения енисейского кыргыза позднего средневековья // Конфессии народов Сибири в XVII – начале XX веков: развитие и взаимодействие. Иркутск, 2005. С. 76–82.
- Терновая 2017 – *Терновая Г.А.* Образный мир манихеев в Семиречье VIII–XIII вв.: (по материалам археологии) // Религии Казахстана и Центральной Азии на Великом Шелковом пути. Алматы, 2017. С. 273–297.
- Хосроев 2007 – *Хосроев А.Л.* История манихейства: (Prolegomena). СПб., 2007.
- Folts 1999 – *Folts R.* Religions of the Silk Road. New York, 1999.
- Li Tang 2005 – *Li Tang.* A History of Uighur Religious Conversions (5th–16th centuries). Singapore, 2005. (Фишф Research Institute. Working Papers Series; No. 44).
- von Le Coq 1913 – *von Le Coq A.* Chotscho: Facsimile-Wiedergaben der wichtigeren Funde der Ersten Königlich Preussischen Expedition nach Turfan in Ost-Turkistan. B., 1913.

История Древнего и Средневекового Востока